

УДК 398(=161.1)(082)
ББК Ш3(2=411.2)я434
С 50

А. М. Смирнов-Кутаческий: личность и научное наследие:
Материалы и исследования / Редактор-составитель
М. В. Строганов. Тверь: Марина, 2008. – 320 с.

Сборник посвящен личности и научному наследию Алексея Матвеевича Смирнова-Кутаческого, профессору Калининского педагогического института (1935—1951), который был крупным и оригинальным ученым, много сделавшим для развития науки, ярким публицистом, постоянно откликавшимся на запросы современности. Сборник раскрывает новые страницы биографии ученого, осмыслияет его научный опыт и вводит в оборот неизвестные материалы. Для фольклористов, литературоведов, историков науки и Тверского края.

ISBN 978-5-903728-03-9

© М. В. Строганов, составление и редакция, 2008
© Коллектив авторов, 2008
© Издательство «Марина», 2008

Оглавление

О А. М. Смирнове-Кутаческом и его наследии. <i>М. В. Строганов</i>	4
Биографические материалы	
А. М. Смирнов-Кутаческий. Автобиография	
Подготовка текста и примечания А. Ю. Сорочана	10
Библиография А. М. Смирнова-Кутаческого	
Составители Т. А. Ильина, А. Ю. Сорочан, М. В. Строганов	17
А. В. Гончарова. Каким помнится мне	
Алексей Матвеевич Смирнов-Кутаческий	28
Забытые и неопубликованные тексты	
А. Ю. Сорочан.	
Архив А. М. Смирнова-Кутаческого в ГАТО: опыт описания	41
Краткое изложение диссертации А. М. Смирнова-Кутаческого	
«Из истории народной сказки. Народная сказка о мачехе и падчерице». Подготовка текста К. В. Быстровой.	
Примечания К. В. Быстровой и М. В. Строганова.	
Вступительная заметка М. В. Строганова	54
А. М. Смирнов-Кутаческий. Из истории народной сказки.	
Народная сказка о мачехе и падчерице	63
Тверские сказки из архива А. М. Смирнова-Кутаческого.	
Публикация К. В. Быстровой	128
E. M. Белецкая. Из архива А. М. Смирнова-Кутаческого:	
песни Великой Отечественной войны	168
A. A. Петров, M. V. Строганов.	
«Из б-ки проф. А. М. Смирнова-Кутаческого»	230
А. М. Смирнов-Кутаческий в Калмыкии.	
Вступительная заметка, подготовка текстов и примечания	
T. Г. Басановой (Борджановой) и А. Ю. Сорочана	245
Ю. М. Никишов. А. М. Смирнов-Кутаческий о Пушкине	262
Вокруг Смирнова-Кутаческого	
А. Ю. Сорочан. Пропущенная глава	
(об одном сочинении Смирнова-Кутаческого)	269
O. E. Лебедева.	
Парадоксы «обретенных» традиций (опыт фольклориста)	276
I. Ю. Махотина.	
О чем поет цыганская «дочка-пташка»?	
(Займствованный балладный сюжет	
в фольклоре русских цыган)	299

Уж ты, Коля, ты, Коля, ты не знаешь маво горя,
Маё горя супротивно по походочке павлинной.

Маё горя супротивно по походочке павлинной,
Коля чист, ты речист, горазд речи говорить.

Коля чист, ты речист, горазд речи говорить,
Уговаривал Дуняшу на ночку ночевать.

Уговаривал Дуняшу на ночку ночевать,
Ночуй, Дунюшка, ты ночуй, голубушка...

4. Из беседы руководителя новоторжского народного ансамбля «Ленок» Е. Г. Иванова с хором села Грузины во время рабочей поездки с целью записи песен. Приблизительно середина 1970-х гг.

— Вот какая у вас была любимая песня?
— «У зари, у зореньки».
— Какая это песня?
— Лемешевская песня, Лемешев ее пел.

Исполняется фрагмент песни:

У зари-то у зоренки
Много ясных звезд,
А у тёмный-та ноченьки
Им и счету нет.

О чем поет цыганская «дочка-пташка»?

**(Займствованный балладный сюжет
в фольклоре русских цыган)**

На древность и широкий ареал распространения общеславянской «Баллады о дочке-пташке» указывает, в частности, то, что следы мелодии одного из вариантов, популярного в XVII в. в Чехии и Моравии, исследователи находят в средневековых немецких балладах с подобной тематикой¹. Принадлежащие к разным жанрам русские варианты «Баллады о дочке-пташке» встречаются в собраниях П. В. Киреевского², А. Н. Мордовцевой и И. Н. Костомарова³, П. В. Шейна⁴ и многих других. О «дочке-пташке» вскользь упоминается в сборнике Н. М. Лопатина и В. П. Прокунина, хотя полноценный балладный текст составители не приводят. «Подобное олицетворение (с пташкой. — И. М.) девушки или женщины, — пишет Н. М. Лопатин, — встречается в старинных песнях <...>, повествующих о тоске молодой женщины по родительском доме,

¹ В этих средневековых немецких балладах дочь, выданная замуж далеко от дома, умирает — в некоторых вариантах — в день свадьбы, так как не может привыкнуть к новым условиям и смертельно тоскует по родному дому. См.: Горалкова З. Из наблюдений над напевами баллад в Чехии и Моравии // Славянский музыкальный фольклор: Статьи и материалы / Сост. и ред. И. И. Земцовский. М.: Музыка, 1972. С. 243—244.

² Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи П. И. Якушкина / Подгот. текстов, предисл., comment. З. И. Власовой. Л.: Наука, 1977. Т. 1. С. 61, 261—262; 1986. Т. 2. С. 199—200.

³ Мордовцева А. Н., Костомаров Н. И. Русские народные песни, собранные в Саратовской губернии // Летописи русской литературы и древности. М., 1862. Т. 4. С. 45—46. Цит. по: Русская баллада / Под ред. В. И. Чернышева. Вступ. ст. Н. П. Андреева. Л.: Советский писатель, 1936. С. 202—203.

⁴ Шейн П. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. д. СПб: Академия Наук, 1898. Т. 1. Вып. 1. С. 227.

выданной на сторону замуж, и едва ли это олицетворение не составляет исключительной принадлежности именно этих песен и попадает в остальные, как эпическое место»¹. За расхождениями в вариантах «дочки-пташки» наблюдает Ап. Григорьев². Ко всему прочему, следы этой баллады обнаруживаются в художественной литературе: один из популярных вариантов, по утверждению Ю. В. Стенника³, лег в основу стихотворения А. В. Кольцова «Без ума, без разума» (правда, интересующий нас фантастический план с превращением женщины в птицу поэт отбросил). И. И. Земцовский, проанализировав около 70-ти публикаций музыкальных вариантов «Баллады о дочке-пташке», треть которых составили русские песни, условно подразделяет их на три типа: 1) лирические песни; 2) лирические, но содержащие музыкальные интонации обрядовых песен; 3) собственно обрядовые песни⁴. При этом он отмечает проникновение данного сюжета и в солдатскую песню⁵.

Однако в качестве варианта «Баллады о дочке-пташке» до сих пор не рассматривалось не учченное славистами «Причтание о семейном горе женщины»⁶, записанное В. Н. Добровольским у оседлых русских цыган в селе Кудрявцево Ельинского уезда Смоленской губернии. Характерно, что ни автор сборника, ни исследователи, много позже обращавшиеся к его работе, например, писатели-этнографы Е. А. Друц и А. Н. Гесслер, неоднократно помещавшие в свои сборники цы-

¹ Лопатин Н. М., Прокунин В. П. Русские народные лирические песни / Под ред. В. Беляева. М.: Государственное музыкальное издательство, 1956. С. 199—200.

² Григорьев Ап. Русские народные песни с поэтической и музыкальной стороны. // Собрание сочинений Аполлона Григорьева / Под ред. В. Ф. Саводника. М.: Типо-литография Т-ва И. И. Кушнерев и К°, 1915. Вып. 14. С. 9—11.

³ Стенник Ю. В. А. В. Кольцов // Русская литература и фольклор (первая половина XIX века). М.: Наука, 1976. С. 312—314.

⁴ Земцовский И. И. Песни-баллады // Советская музыка. 1966. № 4. С. 92.

⁵ Там же. С. 94.

⁶ Добровольский В. Н. Киселевские цыгане. СПб.: Типография императорской Академии Наук, 1908. Вып. 1: Цыганские тексты. С. 85.

О чем поет цыганская «дочка-пташка?»

ганского фольклора поэтический перевод данного образца¹, не увидели связи «Причтания о семейном горе женщины» (далее — «Причтание») с общеславянским первоисточником, хотя по ряду причин можно предположить его русское (или белорусское²) происхождение.

Чтобы понять характер описываемого материала, следует учесть, что цыгане делятся на этногруппы, или племена. Различия, которые в диалектах и культуре цыганских племен не менее ощутимы, чем культурно-языковые различия тюркских, финно-угорских или славянских народов, стали результатом сложных многоступенчатых процессов соприкосновения цыган с населением стран, через которые проходил путь их тысячелетнего кочевья³. «Племя бродячее, — писал Ап. Григорьев, — племя, хранившее только одну свою *натуру* <...> чистою и неприкосновенною — цыгане, по дороге ли странствий, на местах ли, где они остановились, как у нас, захватывали и усваивали себе то, что находили у разных народов»⁴.

Этногруппа *русских цыган*⁵ (самоназвание *ру́сска рома*), о которых пойдет речь, потомки тех цыган, что из Германии через Польшу первыми пришли в Россию в петровскую эпоху. Начи-

¹ Сказки и песни цыган России / Сост., вступ. ст. и comment. Е. Друца и А. Гесслера. М.: Правда, 1987. С. 346—347; Фольклор русских цыган / Сост., запись, пер. с цыганского, предисл. Е. Друца и А. Гесслера. М.: Наука, 1987. С. 242; Золотые мониста: Сказки и песни цыган / Пер. с цыганского Е. Друца, А. Гесслера и В. Савельева. М.: Современник, 1992. С. 445—446.

² По переписи 1897 г. белорусское население в Смоленской губернии составляло 46,7 %, и преобладало в центральных и западных уездах, а русское составляло 42,3 % и сосредотачивалось в северо-восточных уездах: Русские народные песни Смоленской области: В записях 1930—1940-х гг. / Сост., расшифр., comment. Ф. А. Рубцова. Предисл. В. Е. Гусева. Л.: Советский композитор, 1990 (1). С. 3.

³ Подробнее см.: Бессонов Н. В., Деметер Н. Г. История цыган — новый взгляд. Воронеж: «Воронеж», 2000.

⁴ Григорьев Ап. Русские народные песни с поэтической и музыкальной стороны. С. 46.

⁵ Этногруппу *русских цыган* не следует путать с цыганами России вообще, так как на территории нашей страны в настоящее время проживают не менее двух десятков этногрупп.

ная с этого времени, язык, быт и фольклор нынешних русских цыган, складывался под влиянием русской культуры, из чего следует, что исполнение русских песен не было чем-то из ряда вон выходящим. Из своих крепостных русских цыган¹ в 1774 г. граф А. Г. Орлов-Чесменский сформировал первый цыганский хор, в репертуар которого изначально входили только русские (как народные, адаптированные для исполнения с аккомпанементом, так — позднее — и авторские, в том числе, писавшиеся специально для хоров) и украинские песни². «Профессиональными певцами цыгане сделались по прихоти дворян, — объясняет ситуацию Б. К. Штейнпресс, — и, сообразно со вкусами последних, они выбирали репертуар для исполнения»³. Ап. Григорьев же списывает всё на отсутствие у цыган «оригинальности собственной»⁴.

Артистическая среда (цыганские хоры) взаимодействовала со своими кочующими соплеменниками. А те, в свою очередь, имели постоянные контакты с непосредственным носителем устного творчества — русским народом, у которого вместе с обрядовостью табор перенимал семейно-обрядовую поэзию, почти не исполнявшуюся с эстрады. Всё это привело к тому, что к концу XIX — началу XX в. сложился целый пласт народной поэзии цыган, именуемый «таборной песней»⁵, который в качестве своеобразного диалекта русского фольклора систематически пока не изучался.

¹ А отнюдь не из молдавских лэутаров, как утверждают некоторые издания, см.: Щербакова Т. А. Цыганское музыкальное исполнительство и творчество в России. М.: Музыка, 1987. С. 9.

² Образцы русского репертуара цыганских хоров с конца XVIII в. проникают во множество песенных сборников, и нередко упоминаются или даже цитируются в художественной литературе, например, в произведениях Л. Н. Толстого или Н. С. Лескова.

³ Штейнпресс Б. К. К истории «цыганского пения» в России. М.: Государственное музыкальное издательство, 1934. С. 16.

⁴ Григорьев Ап. Русские народные песни с поэтической и музыкальной стороны. С. 46.

⁵ Н. В. Бессонов и Н. Г. Деметер предполагают хоровое происхождение «таборной песни» и рассматривают четыре возможных этапа ее формирования: Бессонов Н. В., Деметер Н. Г. История цыган — новый взгляд. С. 159—172.

О чём поет цыганская «дочка-пташка?»

Как ни парадоксально, но даже при такой истории формирования, таборная песня — вполне аутентична, и называть ее интерпретацией русской песни можно всё же только с большой натяжкой. Дело в том, что творческая переработка «оригинала» в большинстве случаев достигает такого масштаба, что свое русское происхождение иной образец подчас обнаруживает лишь при самом тщательном филологическом или музикологическом анализе.

Для цыганских «интерпретаций»¹ русских песен характерно значительное сокращение оригинального текста, обращение его в прозу, частичный или полный перевод на родной язык, и главное — приспособление его к национальному менталитету (строго говоря, в цыганской среде укоренялось как раз то, что соотносилось с системой ценностей и традициями народа). Смысловые изменения, вносимые в песню, часто провоцировали ее переход в другой жанр. Иногда на мотив русской песни, впоследствии значительно обогащавшийся, создавался самостоятельный текст. Вот как характеризуют народное музыкально-поэтическое творчество русских цыган Е. А. Друц и А. Н. Гесслер: «Мелодии народных песен русских цыган на редкость причудливы, глубоко эмоциональны, богато орнаментированы, широки, распевны <...> Оригинальна и стилистика песен русских цыган, где заметная на слух «ориентальность» гармонично сочетается с приёмами русского распева. При подобном отношении к пению, при такой музыкальной «зацикленности», естественно, поэзия уходит на второй план, оправдывается до непрятязательности <...> результат музыкальной «зацикленности» — наличие многочисленных текстовых клише, кочующих из песни в песню...»²

Анализируя жанровый состав фольклора русских цыган, Е. А. Друц и А. Н. Гесслер отмечают в нем практическое отсутствие эпоса, исторических песен и слабую развитость балладной формы³, при этом собственно русские баллады и исторические

¹ Подробнее см.: Щербакова Т. А. Цыганское музыкальное исполнительство и творчество в России. С. 57—74; Штейнпресс Б. К. К истории «цыганского пения» в России. С. 46—60.

² Золотые монисты: Сказки и песни цыган. С. 20.

³ Там же.

песни были записаны от цыган¹ в небольшом количестве и, стало быть, усваивались ими наравне с лирической и обрядовой поэзией. Вместе с тем исследователи относят (с оговоркой) к цыганскому эпосу повествования на сюжет о Вайде и Руже, заимствованный, по мнению цыганолога Л. Н. Черенкова, русскими цыганами от цыган-ловáрей, прибывших на территорию России из Австро-Венгрии в конце XIX — начале XX в.²

Из русско-цыганских сказок³ о Вайде и Руже нас особо заинтересовала сказка, записанная в Большой Вишере Новгородской области⁴, так как по сюжету она близка балладе «Рябинка» о невестке, превращенной свекровью в деревце, распространен-

¹ От гитариста хора Ивана Васильева — Антона Сергеева, «дикого сына степей, кровного цыгана», как его называл И. Ф. Горбунов (*Горбунов И. Ф. Полное собрание сочинений. 3-е изд. СПб.: А. Ф. Маркс, 1904. Т. 2. С. 381*) Ап. Григорьев записал исторические песни «Про осаду Казани» (Якушкин П. И. Сочинения. СПб.: Изд-во Вл. Михневича, 1884. С. 523—524) и «Что на славной было улице на Димитровке» (вариант «Ваньки-Ключника», в котором, однако, не упоминаются имена Ваньки и князя Волхонского: там же. С. 538), «у цыган» — «Копание канавов» (там же. С. 540—541), от хора Ивана Васильева — песня балладного типа «Исходила младенька» (Григорьев Ап. Русские народные песни с поэтической и музыкальной стороны. С. 24, 46). Следует иметь в виду, что разные источники называют этих цыганских артистов также Иваном Васильевичем и Антоном Сергеевичем.

² Золотые мониста. С. 20.

³ Достоверность собственно поэтических русско-цыганских вариантов баллады «Вайда и Ружа», зафиксированных индологом А. П. Баранниковым, как и прочие его цыгановедческие труды (*Баранников О. П. Українські цігани*. Київ, 1931; Цыганские элементы в русском воровском арго // Язык и литература. Л.: 1931. Т. VII. С. 139—158), современные исследователи подвергают сомнению (Бессонов Н. В., Деметер Н. Г. История цыган — новый взгляд. С. 152—153), поэтому здесь мы их не рассматриваем.

⁴ Сказки и песни цыган России. С. 40—45.

⁵ Якушкин П. И. Сочинения. С. 570. Вариант: «Злы́е ли коренья у крапивушки»: Васнецов А. Песни северо-восточной России. Киров, 1949. С. 53—54. О смоленских вариантах: Смоленский этнографический сборник / Сост. В. Н. Добровольский СПб., 1893. Ч. II. С. 311. Смоленские варианты: Смоленский этнографический сборник / Составитель В. Н. Добровольский. М., 1903. Ч. IV. С. 585—587.

ной не менее баллады о «дочке-пташке». Мы расцениваем это как указание на то, что баллада о свекрови и невестке тоже могла бытовать в среде русских цыган.

Также в фольклоре русских цыган можно найти следы позднего влияния русской баллады литературного происхождения. Е. А. Друк и А. Н. Гесслер в комментариях к своему сборнику, привлекают особое внимание профессионалов к сказке «Громобой»¹, предполагая ее связь с балладой В. А. Жуковского «Двенадцать спящих дев». Насколько можно судить по переводу (на данный момент цыганский текст не опубликован), сказка в самом деле могла попасть под влияние фольклоризированного фрагмента баллады Жуковского, который проник в устный репертуар из одноименной оперы А. Н. Верстовского (премьера — январь 1857 г.)². Как и в балладе, в цыганской сказке юноша Громобой встречает у водоема мистического старика, который, правда, оказывается не чертом, а лешим, хотя мотив черта в сказке тоже реализуется: леший за отказ жениться на его дочери превращает в «нечистого» Громобоя.

Белорусские варианты «Каля плоту крапівушка» (1927) и «Ажаніла маці маладога сына» (1940): Ширма Г. Двести белорусских народных песен. М.: Советский композитор, 1958. <T> I. С. 185, 186. О белорусских вариантах «Ліхая свякроўка сварлівая» и «Адправляла маці сыночка служіці» см.: Можейко З. Песенная культура белорусского Полесья. Село Тонеж / Ред. Е. В. Гиппиус. Минск: Наука и техника, 1971. С. 93.

¹ Сказки и песни цыган России. С. 135—138, 356. Записана в Ленинградской области от информантки 1907 г. р.

² См: Песни русских поэтов: В 2 т. Середина XIX — начало XX в. / Вступ. ст., сост., подгот. текста, биогр. справки и примеч. В. Е. Гусева. Л.: Советский писатель, 1988. Т. 2. С. 491. Печатных свидетельств о цыганском исполнении этой народной баллады нет; вариант с зачином «Над Днепром, быстрою рекой», исполнявшийся на цыганской эстраде, имеется в рукописном сборнике А. А. Панкова (189?—1988), выходца из семьи петербургских хоровых цыган; до революции 1917 г. возглавлял один из петербургских хоров, а с 1930-х гг. заведовал музыкальной частью в цыганском цирковом ансамбле, фиксировал репертуар дореволюционных хоров и советских ансамблей.

Таким образом, даже при самом поверхностном анализе несложно убедиться, что баллада в фольклоре русских цыган — жанр нерегулярный и несамостоятельный.

Прежде чем обратиться к тексту «Причтания», заметим, что некоторые песни, включенные в сборник «Киселевские цыгане», например, «Светить месиц» и «Ты зима мири́, зима́»¹, являющийся фрагментом «Черной галки»², совсем не далеко ушли от русского первоисточника. А образец, озаглавленный «Разлука с милой»³, известен по хоровому исполнению как «Кон авэла»⁴ (кто едет? — цыган.) и, по мнению исследователей, имеет автора — Федора Ивановича Губкина, второго дирижера петербургского цыганского хора Р. А. Калабина⁵. «Причтание» резко выделяется на этом фоне, так как сведений о его принадлежности к хоровому репертуару нет⁶ и, более того, оно не зафиксировано никем, кроме В. Н. Добровольского.

Итак, рассмотрим «Причтание»: оригинальный текст и словесный перевод собирателя; уточнения В. Н. Добровольского помещены в круглых, а наши уточнения — в квадратных скобках:

¹ Добровольский В. Н. Киселевские цыгане. С. 84, 79.

² Русские варианты: Лопатин Н. М., Прокунин В. П. Русские народные лирические песни. С. 252—254; белорусский вариант: Гринблат М. Я. Песні беларускага народа / Складу М. Я. Грынблат. Мінск, 1940. Т. I. С. 177.

³ Добровольский В. Н. Киселевские цыгане. С. 72.

⁴ Упомянуто: Бауров К. А. Репертуары цыганских хоров старого Петербурга. СПб.: Мартынов и К°, 1996. С. 77. Варианты: Цыганские народные песни из архива собирательницы цыганского фольклора Е. А. Муравьевой / Под ред. Л. Н. Черенкова. Подготовка публ., вступ. и comment. Е. А. Друца и А. Н. Гесслера. М.: Типография ТАСС, 1989. Вып. I. С. 29—30.; Народные песни русских цыган / Сост. Е. Друц и А. Гесслер. М.: Советский композитор, 1988. С. 102—104.

⁵ Бессонов Н. В., Деметер Н. Г. История цыган — новый взгляд. С. 177.

⁶ Ни на него, ни на его предположительный первоисточник не указывает, например, К. А. Бауров, монография которого охватывает период истории петербургских хоров с 1855 по 1917 г. (см. примечание 34).

О чём поет цыганская «дочка-пташка»?

Ман о дát отдыя́ палó рóm дúр. Ман рóm мардя, протра́дя мэ. Йоў пхучёла мэ: «Со ту яндян трэ пшалэндыр зоралэндыр?» — Мэ дэвла, дэвла, чурдэ ман кукушици́са т’ урня́у. — Бэстём пэ брэзица насу́трати кхéр. О пшáл охтыльдя пүшицица тэ стрелы́нэ мэ кукушицица. — «Мро пшалорó, мэ сём тумарý пхёнори! мэ ман рóm мардя, протра́дя: мэрла, чингýрла, протрадэла, барó приданоя вимарэла. Рóm пхэнэла: ‘Сó-ж ту яндян трэ да-дэстыр барвалэстыр, трэ пшалэндыр зоралэндыр? нэ, со-ж ту яндян?!’ Вымáрла о рóm и о рўп и о соўнакáй». — «Мри пхёнори, мри пхёнори, на́ро; (д)жá тэлэ брэзицатэ(р), джá тэлэ!» — И чурдяяпэ кукушицица манушёса. И зарундя о дát и о пшалá сарэ: «Катыр тут яндян о дывэл? Нáро, на́ро, мри пхёнори! Сарó ‘мэнда ‘вэла! Джид’ авáса, нашерáса [намерáса] и чал’ авáса; джид’ авáса и приданоя дáса лáке, и о рўп и о соўнакáй, и шукáр лáса тэ живáс.

Меня отец отдал замуж далеко. Меня муж прибил, прогнал меня. Он спрашивает меня: «Что ты принесла от своих братьев богатых (собств. могучих, сильных)?» — Боже, Боже, оберни [буквально: брось, кинь] меня кукушечкою, чтоб я полетела. — Я села на березке напротив дома (отцовского). Брат схватил ружье [ружьё] стрелять меня кукушечку. — «Мой братец, я есть ваша сестрица! меня муж прибил, прогнал: бьет, сечет, прогоняет, большое приданое выбивает. Муж говорит: «Что же ты принесла от своего отца богатого, от своих братьев могучих? ну, что же ты принесла?» Выбивает муж и серебро и золото». — «Моя сестра [сестрица], моя сестра [сестрица], не плачь; иди долой с березы, иди долой!» — И скинулась кукушечка человеком. И заплакал отец и братья все: «Откуда тебя принес Бог? Не плачь, не плачь, моя дочечка [сестрица]! Все у нас будет! Поживем [живы будем], заработаем [не умрем] и сыты будем, поживем [живы будем] и приданое дадим ей, и серебро и золото, и хорошо будем жить¹.

Прежде всего, отметим вполне цыганский текст «Причтания»: видимо, поэтому исследователи восприняли его как аутентичную таборную песню. Выделенные курсивом незначительные русские (или вообще славянские) вкрапления, не следует считатьrudиментом оригинального русского текста, потому

¹ Добровольский В. Н. Киселевские цыгане. С. 85.

что использование заимствованных из русского языка синтаксических конструкций, служебных частей речи, лексики и аффиксов для словообразования, является основным свойством русско-цыганского диалекта. А вот нерегулярное употребление слова *чурдáв*¹ ('кидаю', 'бросаю' — цыг.) в значении 'превратиться', переведенное В. Н. Добровольским как *вс킨уться* — семантическая калька русского слова и может указывать на не-цыганский первоисточник, например: «Я *скинуся-брюшуся* горькой пташечкой» (вариант Тульской губернии)², «Я *вскинуся* пташечкой *кукушечкою*» (вариант Ап. Григорьева)³, «*Вскинулась* ли я, горькая, / Горькой *кукушечкой*» (тульский вариант, 1954 г.)⁴, «*Скинусь* я *кукушечкой*, полечу к батюшке во садок» (вариант неуказанной местности из собрания П. В. Киреевского)⁵, «Як *скинуся* я, молыда, серью зязюлию» (вариант а; В. Н. Добровольский), «Как *вскинусь* я, младешенька, серой зязюлей» (вариант б; В. Н. Добровольский), «*Скинусь* я, молыда, серый зязюлей» (вариант в; В. Н. Добровольский)⁶. В вариантах В. Н. Добровольского, кстати, используется белорусское слово *зязюля* (а в варианте б — наряду с ним русское слово *кукушка*), в то время как в «Причитании» только *кукушк(ица)* — это наводит на мысль, что в основе «Причитания» лежит не только не белорусский, но и не смоленский оригинал, хотя полностью исключать возможность белорусского происхождения «Причитания» всё же не стоит.

¹ В пословице «обрисия ромны кукушкаса — джа зродэ» — обернулась жена кукушкой — поди сыщи ('кочевую сбежавшую жену трудно найти') употребляется более привычное *обрисёв* (*рисёв* — вернусь + префикс *об*); см.: Язык цыганский весь в загадках: Народные афоризмы русских цыган из архива И. М. Андронниковой / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и справочный аппарат С. В. Кучепатовой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 367, № 7943.

² Шейн П. В. Великорус... С. 227.

³ Григорьев Ап. Русские народные песни с поэтической и музыкальной стороны. С. 10.

⁴ Песни Ясной Поляны в записи Б. Ф. Смирнова / Ред.-сост. С. И. Пушкина. М.: Советский композитор, 1986. С. 85.

⁵ Собрание народных песен П. В. Киреевского. Т. 2. С. 199—200.

⁶ Смоленский этнографический сборник. Ч. IV. С. 338—339, 339, 340.

О чем поет цыганская «дочка-пташка?»

Для ряда русских вариантов характерен символический зачин:

Калина с малиной в одно время зацвела,
В ту пору времячко меня мать родила¹;
Калинку с малинкой вода поняла,
На ту пору матушка меня родила²;
Калинушку с малинушкой водой залило,
На ту пору матушка меня родила³;
Калинушка с малинушкой росла и расцвела,
Да по ту пору-времячко м'ня мать родила⁴;
Бо поле-то грушица раным-рано расцвела,
На ту пору матушка меня, горькую, родила⁵;
Как кудрявому деревцу бог листа не дал,
А мне молодёшеньке, бог счастья не дал⁶;
Росла сосна, ай, сосонушке бог листочеков не дает.
Меня, молодешеньку, никто замуж не берет⁷.
Купористу деревцу бог листа не дал,
А мне, красной девушке, бог доли не дал!⁸

Отсутствие этого зачина в «Причитании» объясняется тем, что прием художественного параллелизма в цыганских вариантах не сохраняется, или превращается в сравнение, как в случае

¹ Смоленский этнографический сборник. Ч. IV. С. 339.

² Мордовцева А. Н., Костомаров Н. И. Русские народные песни, собранные в Саратовской губернии. С. 45—46. Цит. по: Русская баллада. С. 202—203.

³ Шейн П. В. Великорус... С. 227.

⁴ Рубцов Ф. А. Народные песни Ленинградской области / Под ред. С. В. Аксюка. М.: Советский композитор, 1956. С. 75.

⁵ Собрание народных песен П. В. Киреевского. Т. 1. С. 61.

⁶ Земцовский И. И. Торопецкие песни: Песни родины М. Мусорского. М.: Музыка, 1967. С. 92.

⁷ Там же. С. 93.

⁸ Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. М. 1929. Вып. 2., ч. 2. Песни необрядовые. № 1644. Цит. по: Лирические песни / Сост., предисл., примеч. П. С. Выходцева. М.: Современник. 1990. С. 372.

со свадебной песней русского происхождения «Рябина» из сборника С. М. Бугачевского, записанной в 1954 г.:

Сыр тэрды гожо рябина, Нэ, ёй тэрды, сыр чай тэрны ¹ .	Как стоит красивая рябина Ну, она стоит как девушка молодая.
--	--

Для сравнения приведем не свадебную, а одну из хороводных юрьевских (егорьевских) песен, в которых обычно довольно отчетливо проступает тема сватовства и брака. Песня эта записана в Понизовском районе Смоленской области — предполагаем, что в основу цыганской «Рябины» легло нечто подобное:

Да ай ты яблонька,
Ай ты вишенька,
Ай да люли-люли,
Ай ты вишенька.
А ты год стоишь,
А ты два стоишь,
Ай да люли-люли,
Ай ты два стоишь.
<.....>
А ты девушка,
Ай ты красная,
А ты год живешь
А ты два живешь...²

Но в случае с «Причитанием» отсутствие зачина не является следствием цыганской переработки, поскольку подобные вступления не менее распространены, к примеру: «Отдал меня батюшка молодешеньку замуж»,³ «Як отдал мяне башошка далекінко замуж»,⁴ «Отдала меня матушка далёким-далекошенько»,⁵ «Атдаў мяне батюшка далече замуж»,⁶ «Была у

¹ Бугачевский С. М. Цыганские народные песни и пляски. М.: Советский композитор, 1971. С. 43.

² Русские народные песни Смоленской области. С. 27.

³ Песни Ясной Поляны в записи Б. Ф. Смирнова. С. 85.

⁴ Гринблат М. Я. Песни беларускага народа. С. 42.

⁵ Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. М., [1917]. Вып. 2, ч. 1: Песни необрядовые. № 1281. Цит. по: Лирические песни. С. 362–363.

⁶ Смоленский этнографический сборник. Ч. IV. С. 338–339.

батюшки адна дочь на раду, атдаў мяне батюшка даляко замуж¹, «И отдала-та мяня матушка да за мхи меня, за балоты»² и «Павыдала мяня мати за мхи мяня, за балоты»³.

В «Причитании» не сохранился стихотворный размер предполагаемого русского первоисточника, а некоторая его «прозаичность» объясняется неизбежными «трудностями перевода» и, не исключено, что неточной записью собирателя. Кроме того, в тексте наблюдаются незначительные, но своеобразные расхождения с оригинальным сюжетом — в «Причитании» не упоминается о родительском запрете посещать дом: «Ни вялеў мне батюшка часта ў гости хадить»⁴; «Приказал да мне батюшка / Семь лет в гостях не бывать»⁵; «Нарек, нарек батюшка пять лет в гостях не быть»⁶; «И сказала мне ронная матушка да сем лет в гости ни бывати»⁷, «Приказаў мне татка, ой, ў гости не хадити»⁸; «Приказал же мне батюшка / Часто в гости не ходить»⁹, «Не велела мне маменька / Три года дома быть»¹⁰, «Не велела мне матушка / Ни тужити, ни плакати, / Ни часто в гости гости-ти»¹¹. Ирреальный план, являющийся в идеале воплощенной мечтой, растворяется в повествовании, делая его сказочным, а само превращение в кукушку объясняется Божиим чудом. Уп-

¹ Там же. С. 339—340.

² Песни Псковской земли. Вып. I: Календарно-обрядовые песни. (По материалам фольклорных экспедиций Ленинградской консерватории). / Сост. А. Мехнечев. Л.: Советский композитор, 1989. С. 88.

³ Там же. С. 90—91.

⁴ Смоленский этнографический сборник. Ч. IV. С. 338—339.

⁵ Песни Ясной Поляны в записи Б. Ф. Смирнова. С. 86.

⁶ Собрание народных песен П. В. Киреевского. Т. 2. С. 199—200.

⁷ Песни Псковской земли. Вып. I. С. 89.

⁸ Там же. С. 176.

⁹ Земцовский И. И. Торопецкие песни. С. 92.

¹⁰ Лирические народные песни / Собрал и сост. И. В. Зырянов. Пермь, 1962. № 130. Цит. по: Лирические песни. С. 351.

¹¹ Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 2, ч. 1: Песни необрядовые. № 1281. Цит. по: Лирические песни. С. 362—363.

рощены повторения, когда три сына или три невестки по очереди решают, что делать с пташкой¹:

Большой-то брат говорит — сем я поймаю,
Сем я поймаю...
Средний брат говорит: — сем я застрелю,
Сем я застрелю...
Меньшой-то брат говорит: сем я погляжу²;

или:

Как старшой-то брат говорит:
«Я пойду ее убью, эх, да
Я пойду ее убью, эх!»
Средний брат говорит:
«Я из ружья-то застрелю, эх, да
Я из ружья-то застрелю, эх!»
А меньшой-то брат говорит:
«Я пойду, к себе ее возьму, эх, да
Я ее к себе возьму!»³

В других вариантах песни тяготы жизни в новой неприветливой семье вызывают у героини тоску и одиночество:

...А на третьем годочку
И мне уздалося, устошилося⁴,
Уж как я, молодешенька,
В недельку стосковалася,
А в другую взгоревалася.
На третий годочек-от слеза прошла¹.

¹ Такое развитие сюжета (семья слышит кукушку, но только мать/младший брат узнает в ней дочь/сестру) особенно характерно для восточнославянских песен, что косвенно подтверждает наше предположение относительно происхождения «Причтания». См.: Земцовский И. И. Баллада о дочке-пташке (к вопросу о взаимосвязях в славянской песенности) // Русский фольклор. Т. VIII. М.; Л.: АН СССР, 1963. С. 144.

² Григорьев Ап. Русские народные песни с поэтической и музыкальной стороны. С. 10.

³ Песни Ясной Поляны в записи Б. Ф. Смирнова. С. 86.

⁴ Земцовский И. И. Торопецкие песни. С. 92.

⁵ Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 2, ч. 1: Песни необрядовые. № 1281. Цит. по: Лирические песни. С. 362–363.

О чем поет цыганская «дочка-пташка?»

Они связаны с непосильным бременем женской работы:
Лютая свекровушка
Жизни не дала,
Посылает по воду
Рано по утру.
Посылает по воду
Рано по утру.
Примерзают ноженьки
К белому снежку.
Примерзают ноженьки
К белому снежку.
Пристывают рученьки
К коромыслицу²;
Свекор да свекровушка все журят-бранят,
Деверь да золовушка работать велят:
«Ты работай, сношенка, поработывай,
На родимую сторону не поглядтай»³.

В нашем же варианте эти тяготы связаны с притеснениями алчного завистливого мужа жены бесприданницы (в наиболее популярных русских вариантах баллады упоминание о приданом также не встречается). О несчастном замужестве в русских вариантах поется по-иному, например: «Муж удаля голова — пьет, гуляет от меня»⁴; «А мой родный татка, не далася доля, не далася доля. / Не далася доля, не удалось замужжа»⁵.

¹ Традиционный фольклор Новгородской области (По записям 1963—1976 гг.) Песни. Причтания / Издание подгот. В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, М. А. Лобанов, В. В. Митрофанова. Л., 1979. № 12. Цит. по: Лирические песни. С. 372—373.

² Русские народные песни Красноярского края / Под ред. С. В. Аксюка. М.: Советский композитор, 1959. С. 177.

³ Традиционный фольклор Новгородской области. № 12. Цит. по: Лирические песни. С. 372—373.

⁴ Песни крестьян Владимирской и Костромской губерний / Собранны и изданы с соблюдением местного выговора Александром Смирновым. М., 1847. Цит. по: Григорьев Ап. Русские народные песни с поэтической и музыкальной стороны. С. 10.

⁵ Песни Псковской земли. Вып. I. С. 178.

Думаем, что наличие у героини «Причитания» семейных проблем как таковых вызовет вопросы у читателя, ассоциирующего цыганку с образами вольнолюбивых и непокорных Земфиры и Радды, поэтому необходимо уточнить, что настоящая таборная цыганка (а сто лет назад тем более) ничего общего не имела с романтико-эротической картинкой, созданной мировой художественной литературой. Цыганки «в эти лета... слыхали про любовь» не чаще русских крестьянок — в родовой общине, которую представляет собой табор, в патриархальной цыганской семье, взаимоотношения были (как и сегодня у этногрупп, ведущих традиционный образ жизни) строго регламентированы, и жизнь женщины была подчинена целому своду неписанных правил.

«Причитание» отличается своеобразной «оптимистичностью» — семья принимает несчастную в замужестве дочь, обещает покровительство и помощь. В этом смысле ему близок вариант, записанный Ап. Григорьевым:

Большому-то брату-то во солдатах быть,
Во солдатах быть...
Среднему брату-то во разбойничках,
Во разбойничках...
Меньшому-то брату со мной домом жизнь¹.

Родные сочувственно принимают пташку, угадывая в ней дочь в варианте Тульской губернии, зафиксированном П. В. Киреевским:

«Не наша ли горькая с чужой стороны?
Когда наша горькая — лети в терем,
Свое горе расскажи, наше расспроси!»²
Но часто в русских вариантах пташка просто улетает:

Палячу я, молыда, шуги ў луги,
Й а сяду, я, молыда, я на кунинку,
Я слёзками, молыда, луги потаплю,
Я жалысью, молыда, лясков усушу!¹,

¹ Григорьев Ап. Русские народные песни с поэтической и музикальной стороны. С. 11.

² Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 2., ч. 2. Песни необрядовые. № 1644. Цит. по: Лирические песни С. 372.

О чем поет цыганская «дочка-пташка?»

или:

Ну а я, молодешенька,
Рассердилася, разгневалася.
Полетела, молодешенька,
Я ў серые борá, у дремучие леса².

Вероятно, само превращение в пташку означает здесь смерть. Так, в балладе «Мачеха и падчерица», развивающей мотив «дочки-пташки», погибающая по вине мачехи девушка обещает в образе кукушки прилететь в отцовский сад:

Ты не жди меня родной батюшка,
Подождет меня злая мачеха —
Не гостьюю, кукушечкой в сад.
Как раз закую, траву высушу,
Другой закую, весь сад погублю,
В третий раз закую, душу зановлю³.

Иногда на пути вроде бы возможного воссоединения с семьей встают непреодолимые препятствия, как в тульском варианте середины ХХ в.:

Как старшего бра... эх, братца
Хоронить, эх, понесли, эх, да
Хоронить да понесли, эх!
А среднего бра..., эх, братца,
В солдатушки повезли, эх, да
В солдатушки повезли, эх!
Как меньшой-то брат
Жениться поехал, эх, да
Жениться поехал, эх!⁴,

или в варианте В. П. Шейна:

Как батюшку с матушкой за Волгу везут,
Большого-то брата в солдаты куют,
А среднего-то брата в лакеи стригут,
А меньшого-то в приказчики⁵.

¹ Смоленский этнографический сборник. Ч. IV. С. 339—340.

² Земцовский И. И. Торопецкие песни. С. 93.

³ Исторические песни. Баллады / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. С. Н. Азбелев. М.: Современник, 1986. С. 214.

⁴ Песни Ясной Поляны в записи Б. Ф. Смирнова. С. 87.

⁵ Шейн П. В. Великорус... С. 227.

В варианте Пестовского района Новгородской области (1968) не узнанная родными пташку гибнет от руки брата:

Выглянула матушка из окошечка:
 «Ой, что это за пташечка в садике поет,
 Что это за пташечка в садике поет,
 Что за перелетная кличет и клюет?»
 Один братец говорит: «Пойду, посмотрю».
 Ой, другой братец говорит: «Ружье заряжу».
 Другой братец говорит: «Ружье заряжу».
 Ой, третий братец говорит: «Пойду застрелю».
 Застрелили пташечку в зеленом саду,
 Ой, горькую кокушечку, родную сестру¹.

Таким образом, при детальном рассмотрении «Причтания» оказывается вполне узнаваемым вариантом «Баллады о дочке-пташке». Цыганская переработка текста — своеобразный пересказ с упрощениями — сводится в основном к переводу на цыганский язык. В этом смысле, даже сокращение текста мы не можем списать на национальную интерпретацию, потому что объем русских вариантов баллады неустойчив. К примеру, живая песня Псковской области, оригинально разрабатывающая тему «дочки-пташки», состоит всего из шести строк:

Ни пайду дамой, я тут заначую, ай, ни пайду дамой.
 Я тут заначую, журбы ни пачую, ой, ни пайду дамой.
 Сяду на бярезу, буду кукувати, ай, ни пайду дамой.
 Буду кукувати, съвёкра праклинати, ай, ни пайду дамой.
 Каб майво съвёкрыка громам ба убила, ай, ни пайду дамой.
 Как маю съвякро́йку стрялой застрилила, ай, ни пайду дамой².

Остается добавить, что финал «Причтания» также несколько напоминает фрагмент песни «Кай ёнэ» (где они. — цыган.).

Причтание	Кай ёнэ
Джид' авáса, намерáса <...> и шукар láса тэ живáс. (Живы будем, не умрем, и хорошо будем жить)	Джидэ аваса, кана на мэрасса И шукир сарэ задживаса ¹ . (Живы будем, когда не умрем, И хорошо все заживем.)

¹ Традиционный фольклор Новгородской области. № 12. Цит. по: Лирические песни С. 372—373.

² Песни Псковской земли. Вып. I. С. 260.

О чем поет цыганская «дочка-пташка?»

Следовательно, этот фрагмент может быть текстовым клише, привнесенным в оба эти текста из общего источника, возможно, плясовoy песни.

Больше информации о первоисточнике мог бы дать анализ напева «Причтания», а именно — подробнейшее сопоставление с мелодиями вариантов Смоленского и окружающих регионов, записанных в конце XIX — начале XX в., если таковые имеются. Однако он, к сожалению, в сборнике не приведен. О характере мелодии можно догадываться только исходя из определения, данного В. Н. Добровольским его варианту: «Причтание», которое могло возникнуть и как индивидуальное впечатление В. Н. Добровольского от напева². Нас же подобное определение наводит на мысль, что первоисточник «Причтания» мог принадлежать к песням с обрядовой интонацией или же к непосредственно обрядовым песням, то есть к выявленным И. И. Земцовским³. Например, о характере исполнения одного из приуроченных к Пасхе псковских вариантов «дочки-пташки» с зачином «И отдала-та мяня матушка да за мхи меня, за балоты» можно судить по замечанию информантки: «Петь — почти что голосить»⁴.

Думаем, что именно относительно «Причтания» В. Н. Добровольский сделал следующий вывод: «Как в крестьянских⁵, так и в цыганских причтаниях Смоленской губернии, кукушка является оборотнем. Покойник принимает образ кукушки и слетает с неба на землю побеседовать со своими родными. Лицо, испытывающее горе, чтобы поделиться печалью с близким его сердцу человеком, становится кукушкой, и прилетев к родному, выкуковывает ему всю свою кручину. В причи-

¹ Цыганские народные песни из архива собирательницы цыганского фольклора Е. А. Муравьевой. Вып. I. С. 24. Вариант: Народные песни русских цыган. С. 147—149.

² Заметив, что «Причтание» «исполняется как песня», В. Н. Добровольский не указывает на его связь с каким-либо обрядом, который сопровождался бы им, тем не менее это не помешало Е. А. Друцу и А. Н. Гесслеру поместить в свой сборник поэтический перевод «Причтания» среди плачей, что может ввести читателя в заблуждение. См.: Фольклор русских цыган. С. 242.

³ Земцовский И. И. Песни-баллады. С. 92.

⁴ Песни Псковской земли. Вып. I. С. 88, 270.

⁵ О русских причтаниях также см.: Смоленский этнографический сборник. Ч. II. С. 311.

таниях австрийских цыган родные покойника обращаются к кукушке с следующей просьбой: «Кукушка с обросившимися ножками, неси покойника на спине своей к дверям рая!»¹ Иными словами, В. Н. Добровольский был убежден в общности цыганского фольклора, и вроде бы имея представление о цыганских «наречиях»², не знал о силе локального влияния на устное творчество цыганских этногрупп. Именно поэтому он не увязал «Причитание», например, с записанными им же лирическими вариантами «дочки-пташки»³, а предпочел провести параллель между условными причитаниями русских цыган и причитаниями австрийских цыган, в основу которых, в свою очередь, на верняка лег местный материал. Говоря о «причитаниях» русских цыган, В. Н. Добровольский, видимо, предполагал активную воспроизведимость этого жанра⁴ и уж, конечно, не мог себе представить, что имеет дело, возможно, с единичным случаем заимствования. Записи собственно цыганских плачей или причитаний весьма немногочисленны⁵, тема «дочки-пташки» в них не пропадает, а связь их с русским фольклором или фольклором других цыганских этногрупп еще предстоит установить.

В довершении отметим, что образ кукушки широко представлен в малых формах фольклора русских цыган⁶: пословицах, поговорках и приметах. В случае с каждым образцом мы можем предполагать ту или иную степень влияния русской фразеологии. По кукушке гадают: Нақукиндя кукушкя Машатэ

¹ Смоленский этнографический сборник. Ч. IV. С. 89. Курсив мой.

² Там же. С. XV.

³ Там же. С. 338—340.

⁴ Кроме рассмотренного здесь «причитания» В. Н. Добровольский приводит небольшой фрагмент, озаглавленный «Причитание о смерти любимой жены» (Добровольский В. Н. Киселевские цыгане. С. 84.). Но у нас также нет оснований причислять его к причитаниям, кроме того, в очерке: Голодников К. Проклятое племя. Этнографический очерк быта цыган Тобольской губернии (окончание) // Тобольские губернские ведомости. 1879. № 34 — содержится лирическая (или тюремная) песня со схожим текстом «Тама лесомшел».

⁵ Бугачевский С. М. Цыганские народные песни и пляски. С. 26—27, 70.

⁶ Сборник «Язык цыганский весь в загадках: Народные афоризмы русских цыган из архива И. М. Андронниковой» содержит более сорока образцов. Перечень на С. 629.

О чем поет цыганская «дочка-пташка?»

бахт, сык быв явэла. — Накуковала кукушка Маше счастье, скоро свадьба будет¹; Пока докукиндя, покамест лэскэ шеро викукиндя. — Докуковала, пока ему голову не выкуковала (пока несчастье не сделала)². Русский аналог упрекает бестолковую птицу: Кукувал б кукушка на свою голову.³ Как в русских, так и в цыганских поговорках внешнее сходство сближает кукушку с ястребом: Посватындяпэ кукушкя кэ ястребо, дай лакэ концо явья. — Посваталась кукушка к ястребу, тут ей конец пришел⁴. Русские говорят: «Променял кукушку на ястреба!»⁵ Кроме того, в народных афоризмах русских цыган кукушка часто олицетворяет женщину (жену, вдову): Ратякира кукушкя конэс камэла перекуинэ. — Ночная кукушка кого хочешь перекукует (жена всегда на свою сторону мужа перетянет)⁶. Русский первоисточник: Ночная кукушка (жена) дневную перекукует⁷.

Одним словом, тот факт, что рассмотренный песенный сюжет был зафиксирован у русских цыган, николько не упрочивает положения балладного жанра в русско-цыганской народной поэзии, а как раз наоборот — говорит в пользу теории о несамостоятельности цыганского фольклора. Вместе с тем этот факт является, бесспорно, одним из интереснейших примеров бытования своеобразной интерпретации русской песни в среде неславянского народа.

¹ Язык цыганский весь в загадках... С. 65.

² Там же. С. 562

³ Цит. по: Даль В. Н. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 354.

⁴ Язык цыганский весь в загадках... С. 562.

⁵ Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник. Ч. II. С. 87.

⁶ Язык цыганский весь в загадках... С. 337.

⁷ Даль В. Н. Толковый словарь русского языка. С. 354.